Гришка Рострига

Ты Боже мой, Боже, Спас милостивой,
Владыко Царю Вседержителю!
За что нас Господь Бог прогневался,
Как спустил на нас велик тяжкой грех.
Сослал нам, Боже, прелестника,
Вора Гришку Ростригу Отрепьева?
Прельстил он, вор-собака, три земли,
Первого прельстил короля в Литве,
Другого прельстил — землю Полскую,
Третье силно царство Московское.
Не успел вор-собака на царство сесть,
Поизволил вор-собака женитися:
Ни у князя он берет, ни у боярина,
Не у нас он берет в камянно́й Москве,
Берет вор-собака в проклято́й Литве,
Проклятой Литве, у Юрья пана Стредомирского,
Берет он Маринку дочь Юрьеву.
А свадьба была на вешней праздник,
На вешней праздник Миколин день:
Миколин день был в пятницу,
А у Гришки свадьба в четверток была;
Стали благовестить к заутрине,
У святого Михайла Архангела,
Где кладутся цари благоверныя,
Благоверныя, благочестивыя,
Бояра пошли ко заутрине,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка Рострига в баню пошел
Со своею Маринкою дочь Юрьевой;
Бояра идут от заутрини,
А Гришка Рострига из бани идет,
Шуба на нем соболиная,
На Маринке саян красного золота.
Входит на крылечко на Красное,
Вскричит он — взвопит громким голосом:

«Есть ли у меня пушкари!
Свезите снаряд-пушки за город,
За те ли вороты Серпуховския:
Завтре у меня пир будет,
Для-ради тестя любимого».
Как пошел на крылечко на заднее,
Скрычит он — возвопил громким голосом:
«Есть ли у меня по́вары,
Мои батюшковы приспешнички!
Варите вы яству скоромную и посную,
Скоромную еству — гуси-лебеди,
А посную еству — рыбу белую:
Завтре у меня пир будет,
Ради тестя любимова,
Про Юрья пана Стредомирского».
Скоромную еству сам кушает,
А посну еству роздачей даёт;
А местные иконы под себя стелет,
А чюдны кресты под пяты кладёт.
И тут же бояра домышлялися,
И думны дьяки догадалися.
Бросалися-кидалися в девичей монастырь
Ко иноке к Марфе Ивановне:
«Ты свет наша матушка,
Инока Марфа Ивановна!
Прямой ли царь на царстве сидит,
Твое дитя рожденное,
Что Дмитрий царевич Углицкой?
Только делает не по-царскому:
Скоромную еству сам кушает,
А посную еству в роздачи даёт,
А местные иконы под себя стелет,
А чюдны кресты под пяты кладёт».
Что зговорит наша матушка,
Инока Марфа Ивановна:
«Вы глупы бояря неразумные!
Вести́мо Богу (и) всей Земли,
Что потерян князь Дмитрей на Угличе,
Ево мощи лежат в комянно́й Москве,

У светаго Михайла Архангела,
Где кладутца цари благоверные,
Благоверныя благочестивыя».
. . . . . .
Что зговорит наша матушка,
Что инока Марфа Ивановна:
«Приезжает с угрозою,
Привозит наголо́ саблю вострую,
Велит называти своим сыном,
Князем Димитрием царевичем Углицким».
И тут же бояря догадалися
И думныя дьяки домышлялися.
Выбирали себе дьяка думнова,
Того ли Петрушку Басманикова,
Посылают в полаты во царские:
«Помнишь ли, Гришка, спомятуешь ли,
Вместе мы грамоте с тобой училися,
Во том монастыре во Чюдове?
Ты был, Гришка, черным дьяконом,
А я был на крылосе псаломщиком».
Видит же Гришка (беду) неминучею,
Пошел в Полаты во На́бережны,
Из Набережных на Житой (двор).
. . . . . .

(Напечатана П. А. Бессоновым в Приложениях к 7 вып. «Песен, собранных П. В. Киреевским», стр. 67-72. № 1. Место записи не указано)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915